

ЗИНАИДА ГИППИУС

ДЕТСКАЯ
СОВЕСТЬ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Детская совесть

Аннотация

«С тех пор как русскому языку меня учит тетя Зина, я очень полюбила писать и вовсе не делаю ошибок. Я или переписываю что-нибудь или так записываю, что у нас случается. Теперь мы с тетей не занимаемся, потому что на даче надо отдыхать. Я бегать не люблю, сижу – пишу или раскрашиваю, если только Таня не мешает, не зовет играть. Она всегда сердится и плачет, если я нейду. Ей надо уступать, она маленькая: ей только восемь лет. Мама тоже сердится, что я все в комнате: я очень толстая, и она говорит – я еще больше потолстею, если не буду бегать. А вот сама мамочка целый день лежит на балконе, читает книжки и все-таки не толстеет. Мы с Таней заберемся иногда на кушетку, играем с ней. Говорим: «Ты у нас, мамочка, ленивенька». Она ничего, смеется...»

Содержание

I	4
II	7
III	12
IV	14

Зинаида Гиппиус

Детская совесть

I

С тех пор как русскому языку меня учит тетя Зина, я очень полюбила писать и вовсе не делаю ошибок. Я или переписываю что-нибудь или так записываю, что у нас случается. Теперь мы с тетей не занимаемся, потому что на даче надо отдыхать. Я бегать не люблю, сижу – пишу или раскрашиваю, если только Таня не мешает, не зовет играть. Она всегда сердится и плачет, если я нейду. Ей надо уступать, она маленькая: ей только восемь лет. Мама тоже сердится, что я все в комнате: я очень толстая, и она говорит – я еще больше потолстею, если не буду бегать. А вот сама мамочка целый день лежит на балконе, читает книжки и все-таки не толстеет. Мы с Таней заберемся иногда на кушетку, играем с ней. Говорим: «Ты у нас, мамочка, ленивенька». Она ничего, смеется.

Вот тетю Зину все называют красивой, а по-моему, мамочка гораздо лучше. У тети волосы совсем черные, брови густые, нос тонкий, а сама бледная. То ли дело мамочка: веселая, щечки розовые, на подбородке ямочки (мы всегда ее в ямочку целуем) и кудри белокурые.

Только мама не любит с нами долго возиться: чуть мы разыграемся, сейчас нас отсылает: «Идите к своим куклам!» А у нас и кукол нет, не любим мы их.

Какие все-таки странные эти большие! Они думают, что мы ничего не понимаем, кроме игрушек и кукол. А у нас с Таней тоже есть свои дела. И отчего, если мы маленькие, так все наше будет глупое и смешное. Вот кузен Петя, например, кадет, он у нас в городе бывает по воскресеньям – какой большой вырос, а даже и того не понимает, что мы с Таней ему рассказываем, только пыжится, вытаращивает глаза да пояс поправляет. И ничего не говорит, только: «А? Как?» Значит, и большие не все умные.

Здесь нам очень нравится: в лесу растут грибы, есть терраса; а от террасы прямо идет длинная аллея; мы по ней любим бегать рано утром, как только что встанем; я тоже бегаяю. Мама сердится, кричит: «Сыро!» Это правда, что сыро, только там тень и так хорошо пахнет.

Сад здесь очень большой и много разных дорожек и беседок. Когда фрейлин Минна ищет нас, чтобы учиться немецкому языку, мы нарочно убежим и спрячемся в кусты; она ходит-ходит по саду, кричит: «Киндер!» Мы молчим; так она и уйдет. Потом мама спросит, был ли немецкий урок, мы скажем нет, мама сердится на фрейлин Минну, а мы рады.

Я фрейлин Минну не люблю. И никто ее не любит. Все над ней смеются. Она такая крепкая, белая, в зеленом платье и в больших туфлях. Все вяжет что-то длинное, желтое – и

молчит. Мы ее редко и видим; идем в сад или в бабушкину комнату: туда фрейлин никогда не заходит.

Сегодня у бабушкиной пеструшки вывелись первые цыплята. Бабушка спрятала их в свою шубу в уголок. Они там попискивают и кушают яичко. И тепло. Мы сегодня целое утро с цыплятами сидели. Бабушкина комната наша самая любимая: маленькая, уютная, на полу коврики, а на полочке в углу – большой образ с темным лицом и горит зеленая лампадка. Если на улице жарко, у бабушки прохладней всех, если холодно – у бабушки тепло. На столе всегда самовар, горшочек с медом, а в сундуке с розами, где бабушкино добро, есть чернослив и изюм. Бабенька у нас простенькая. У мамочки есть шляпы: и вышитые платья, а бабушка любит ситцевые блузы с пелеринками и чепчики с оборками, а когда идет в церковь – покрывается платочком.

Сама бабенька очень маленькая и добрая; она нас вечером укладывает в постель и рассказывает про царя Берендея. Та-не эта сказка надоела, а я люблю. Я люблю тоже, когда чуть стемнеет, сидеть у бабушки: она вязку положит, очки снимет, облокотится на окно и поет разные песни; голосок у нее тонкий и тихий, а песни все тихие, про голубков и незабудки.

Таня тоже слушает, мы ведь всегда вместе.

II

Опять приехал этот противный Василий Иванович.

И чего он ездит? Мама его не любит; только я слышала, она сказала: «С ним нельзя ссориться, он богатый человек». А тетя Зина сказала: «Да».

Я бы хотела, чтобы он обеднел и чтоб мы с ним поссорились. У него красные, широкие щеки и маленькие усы, завитые, точно у жучки хвост, и такие же черные. Когда он смеется – усы раздвигаются и щеки блестят, как масленые.

Меня он так противно зовет «молодая особа». Какая я особа? Я Аня. И сам-то, разве старый? Все говорят, что он молодой человек.

Когда сегодня в гостиной зазвенели шпоры, мы с Таней очень огорчились. Приехал-таки! Мне всегда кажется, что Василий Иванович особенно ставит ноги и оттого у него шпоры больше звенят.

Вот если дядя Митя приедет – другое дело. Дядя Митя совсем не такой. Он очень умный, самый умный: ездил в разные страны, все знает и так хорошо рассказывает. Даже мама с ним во всем советуется, а мы его очень любим.

До обеда я Василия Ивановича не видала. Уехал с тетей Зиной верхом кататься. Какой Василий Иванович злой: раз я видела, он тете Зине под столом крепко наступил на ногу; тетя ничего не сказала, но ей было больно, я знаю, потому

что она покраснела. Тетя очень хорошая, только зачем она с Василием Ивановичем «нарочно» говорит? Каким-то тонким голосом, и все нарочно. Когда Василий Иванович уйдет – она опять по-прежнему, а так – я ее не люблю.

Мы с Таней Василия Ивановича «бритой головой» зовем, у него совсем короткие волосы щетинкой.

Фрейлин Минна опоздала к обеду. Уже суп убрали, когда она пришла из сада со своим желтым вязаньем и извинилась. Мы с Таней переглянулись и тихонько засмеялись, потому что она сегодня была особенно смешная: на зеленое платье надела красный платок.

И все это заметили и стали с ней шутить.

Мама сказала:

– Признайтесь, фрейлин Минна, у вас есть жених на родине?

Фрейлин Минна покраснела и ничего не ответила. А Василий Иванович спросил:

– Это вы, верно, фрейлин, ему желтые чулки к свадьбе вяжете? Пригласите меня, когда венчаться станете. Только я, пожалуй, не доживу; через сколько лет вы кончите чулки? Да не конфузьтесь, фрейлин!

Тетя Зина смеялась и спрашивала:

– Неужели у вашего жениха такие длинные и тонкие ноги?

Мы все смеялись, и так громко, что фрейлин Минна вдруг вскочила из-за стола вся красная и убежала к себе. И пирожное оставила.

Я и Таня все еще хохотали, но мама сказала нам: «Довольно».

Все молчали. Обед был скучный. Только мы под столом толкали друг друга, тихонько посмеиваясь.

Я села красить у себя в детской, да вдруг подумала: «Дай пойду наверх, посмотрю, что теперь фрейлин Минна делает? Может, она изрезала или распустила свое вязанье от стыда».

Таня была у бабушки. Тихонько, так что лестница не скрипнула, я влезла наверх в первую темную комнату.

Дверь к фрейлин Минне не была совсем затворена.

Я на цыпочках подошла и взглянула, что делает фрейлин Минна.

Она сидела у окна, подперев голову рукой, как бабушка по вечерам. На коленях у фрейлин лежал носовой платок и вязанье целое, и я увидела, что она плачет.

Она была в такой же малиновой косынке и зеленом платье, но сделалась почему-то совсем несмешная. Нос у нее покраснел, и она тихонько всхлипывала, точно Таня, когда чем-нибудь очень огорчится.

Я вошла в комнату и сказала: «Фрейлин Минна!»

Она увидела меня и удивилась; может быть, она подумала, что я опять стану смеяться.

– Вы не плачьте, фрейлин Минна, – сказала я, – мама на вас не сердится, и они больше не будут.

Но вдруг она заплакала еще сильнее и что-то говорила, что стыдно так поступать с человеком, который за свой труд

получает деньги, – и еще многое говорила. Я поняла только, что ее очень обидели – и мне стало ее жалко.

Я подошла к ней поближе и сказала:

– Вы простите, фрейлин Минна, нас с Таней: мы никогда больше не будем. И они тоже не будут, они не знали. Я им расскажу, как вы огорчаетесь и они ни за что не будут. А если вам правда очень долго нужно вязать чулки вашему жениху, так научите меня, и я вам свяжу поскорее другой чулок.

Фрейлин Минна посмотрела на меня; потом погладила меня по голове и сказала:

– Вы – доброе дитя. А там – не говорите обо мне ничего. Нельзя. Они богатые, а я бедная. Пусть.

Я не поняла.

– Отчего же нельзя? Что ж такое, что вы бедная?

Тогда фрейлин Минна мне рассказала, что мамочка может ее прогнать: не давать больше денег и не кормить; а ей, фрейлин Минне, уехать некуда, потому что она еще не скопила денег.

У нее правду был жених, только она объяснила мне, что вяжет ему не чулки, а шарф, и что свадьба их будет не через десять лет, а через три года.

И она опять хотела плакать.

Я взяла ее за руку и сказала: «Бедная вы, фрейлин Минна».

Она ничего мне на это не ответила. Встала, порылась в деревянной шкатулочке и достала гадкую, старенькую кар-

тинку.

– Вы доброе дитя, вот вам.

Я сначала не хотела брать, но потом подумала: ведь это она от доброты, может, ей больше нечего мне дать; и мне стало еще жальче фрейлин Минну.

Я поскорее схватила картинку и убежала, только на лестнице села в уголок и долго плакала. Я думала о том, что очень люблю фрейлин Минну и ее гадкую картинку.

Тане я ничего не сказала и картинку спрятала в пенал.

III

Мы долго качались в саду на качелях, а когда вернулись домой, было уже темно. Мама велела зажечь лампу. Мы с Таней сели на террасу, на ступеньки, говорили о своих делах и сначала не слушали, о чем толкуют мама с тетей.

Мне надо было посоветоваться с Таней: Катя Лебедева, знакомая девочка, сказала мне сегодня, когда мы играли на кругу: «Хочешь, будем задушевными подругами». Мне было стыдно сказать «нет», и я ответила: «Хорошо».

Мы рассуждали, что мне теперь нужно делать и что вообще надо делать тому, у кого есть «задушевная» подруга? Вдруг Таня сказала:

– Слышишь? Мама плачет. И правда, мама плакала.

Мы испугались. Нам хотелось знать: о чем. Спросить мы не смели и стали слушать.

– Как же это, Зиночка, неужели ты совсем решилась, – говорила мама.

– Ну да, совсем, – сказала тетя Зина. – Я, право, не знаю, о чем тут рыдать...

– Зина, да ведь ты его не любишь... Как же можно так... – И мама всхлипнула.

– Ах, оставь, пожалуйста, – сказала тетя сердито, – мы с тобой не институтки, и ты сама отлично понимаешь, о чем тут речь. На твой счет я жить не намерена, а бегать по уро-

кам, извини – надоело.

Она замолчала, а мама все плакала.

– А впрочем, – сказала опять тетя, и мне показалось, что она смеется, – если ты решительно не советуешь...

Но мама ее перебила:

– Нет, нет... Я ничего... Ты уж как сама знаешь... Я советовать не могу... Что ж, Василий Иванович, кажется, недурной человек.

– Знаешь, – сказала я Тане, – верно, это тетя Зина хочет выйти замуж за Василия Ивановича.

Таня огорчилась, что «бритая голова» будет нашим дядей.

– Лучше бы она за дядю Митю выходила, вот бы хорошо-то было! А «бритую голову» я не хочу!

– Ничего, Таня, ведь он живет в Варшаве, верно, и тетю туда увезет. Тетя не станет учить нас, зато у нее будет много денег, ей даст Василий Иванович за то, что она с ним повенчается. Надо все хорошенько расспросить...

Таня вскочила и побежала к маме.

– Мамочка, правда, что Василий Иванович женится на тебе и увезет ее в Варшаву?

Но мама рассердилась, сказала, что это не наше дело, и велела идти спать.

Отчего ж нам нельзя знать, что тетя будет венчаться с Василием Ивановичем, и он даст ей много денег?

IV

Целое утро у нас головы болели.

Сначала у меня заболела, потом и у Тани. Мы всегда вместе бываем больны. Бабушка давала нам нюхать нашатырный спирт.

К завтраку приехал Василий Иванович. Щеки у него страшно блестели. Он привез тете большой букет с лентой.

Жучка наша пропала; уж мы ее искали-искали, Таня даже плакала.

После обеда сидим на балконе за чаем, вдруг слышим, точно где-то мыши пищат. Мамочка велела Маше разузнать, что это такое.

Маша полезла под террасу да и кричит нам:

– Барышни, идите сюда, это Жучка наша, а у нее щенята. Какие они маленькие, пестрые... Жучка их очень любит, облизывает. Им хорошо под балконом, точно в маленькой комнатке. Сквозь щели солнце светит, солома мягкая.

– Мы этого пестренького Рябкой назовем, хочешь, – спросила Таня.

– Да, мы-то Рябкой, а может, Жучка его по-своему не Рябкой уж назвала? Вот если б она умела говорить! Жучка, любишь деток?

Их было целых девять. Жучка ласкалась и смотрела на нас грустно.

Мы вылезли наверх.

В это время мама говорила Маше:

– Ты слышишь? Непременно всех сегодня утопи. Не выношу этого писку.

Маша сказала: «Слушаюсь» – и ушла.

– Мама, это ты про кого «утопить»? – спросила я.

– Да про щенят Жучкиных. Ведь видела сейчас.

– Как утопить? Жучкиных деток утопить?

– Конечно, куда же такую ораву собак!

– Мама, да разве можно? Разве они твои? Ведь они Жучкины! Что ты, мама!

Мама рассмеялась:

– А вот увидишь, что можно. Всегда же топят щенят. Да не плачь, я тебе в городе болонку куплю, беленькую.

– Мама, не надо болонки! Не вели тех топить! Мамочка, милая! Жучке такое горе! И за что их?

Я подбежала к маме, Таня тоже. Мы плакали. Но мама велела перестать и строго сказала, что это все глупости и что «надо приучаться к порядку вещей».

– Ступайте сейчас же в детскую и займитесь своими куклами. Пора отвыкать от прихотей.

Мы пошли на заднее крыльцо и сели там на ступеньки, пригорюнились. Если Маша понесет маленьких топить, ду-мали мы, так здесь увидим.

– Аня, Аня, отчего это мама не понимает, что их никак нельзя топить? – говорила Таня.

Уж почти стемнело. Вдруг мы увидели Машу. Она что-то несла в фартуке, а сзади бежала Жучка, махала хвостом и тихонько повизгивала.

Мы сразу догадались, что это «их» несут.

Я со всех ног бросилась опять к маме, а Таня побежала просить Машу, чтобы она подождала. Мама была занята с тетей и говорила, когда я вошла:

– Ну, визитное можно с малиновым плющом... Что тебе, Аня? Чего ты влетаешь, как сумасшедшая?

– Мамочка, она плачет... Нельзя у нее детей отнимать! Не вели, мамочка...

– Что такое? Ах, ты опять об этой собаке... Оставь меня, раз навсегда говорю...

– Мама, – сказала я и перестала плакать. – Ну а если бы нас у тебя кто-нибудь утопил, когда мы родились?

Мама засмеялась, и Василий Иванович тоже. Он пришел и слушал, что мы говорим.

– Вот сравнила, – сказала мама. – Тогда того человека посадили бы в тюрьму.

– А отчего же за Жучкиных детей не садят? Ведь они такие же жалкие и маленькие.

– Молодая особа, – сказал вдруг Василий Иванович, ухмыляясь, и хотел притянуть меня за руку к себе, но я не далась. – Молодая особа! Вам рано знать эти условия жизни. Могу сообщить вам лишь одно: люди – существа разумные, и их больше, чем животных; они, так сказать, победили жи-

вотных и могут их убивать. А если б собак было больше, то случилось бы наоборот. Поняли-с?

– Да, потому что нас больше, и мы разумные, надо убивать Жучкиных детей? Разве Жучке не так же горько, как если б нас у мамы отняли? Я бы желала, чтобы за Жучкиных детей тоже сажали в тюрьму!

Мама сначала удивилась моим словам, а потом страшно рассердилась, закричала и велела сейчас же идти спать.

Я ничего не сказала и ушла. В детской Таня уже легла и плакала под одеялом. Я тоже разделась и пришла к ней на кровать. Мы ни о чем не разговаривали.

Отворилась дверь, я выглянула из-под одеяла, вижу – бабенька.

Она подошла прямо к нашей кровати и погладила нас по волосам.

– Полноте, маточки, глазки только портите. Вот, скушайте-ка на здоровье.

И она нам дала по половине твердого коричневого пряника. Пряник был очень вкусный и пах камфорой, потому что лежал в бабушкином сундуке, но мы не могли кушать от огорчения.

Тогда бабушка сказала тихонько:

– Молчите, молчите; уже завтра к Жучке на новоселье пойдем. Я ее с детками к Семену в сторожку велела положить. Там и солома есть.

Мы верить не хотели.

– Бабенька! Миленькая моя! Так они живы? Вы их отняли? Вправду, бабенька?

– Уж говорю – живы, значит, не вру. Да полно вам, экие сороки! Бабушку замучили...

Мы бабеньку совсем зацеловали. Едва-едва она нас уложила. Таня заснула. Бабушка прибирала комнату и заправляла на ночь лампадку, а я думала.

– Бабушка, – сказала я, – ведь нехорошо топить животных?

– Животное – тварь, милая. Оно тоже создание Божие. Его убивать, конечно, грех. Всякое дыхание да хвалит Господа, сказано. Я тварь жалею.

– Бабенька, милая, вот ты говорила, если добрый человек умрет – его душа пойдет в рай, а злой – так в ад. А если собачка хорошая и добрая умрет, ей тоже будет награда?

– Что ты, что ты, матушка, сравняла! В человеке-душа, а в скотине нет души, пар. Издохнет собака, пар выйдет – вот и все.

– Как же это, бабушка? Отчего? Ведь собаки как люди, тоже несчастные есть и счастливые. Отчего же за несчастье ей ничего не дается?

– Господь так устроил, милая. Его воля. А ты спи со Христом, мне идти надо.

Бабушка благословила меня и ушла, а я долго не могла уснуть.

И Отче наш читала и Богородицу – не сплю, все думаю. И

за что это – во мне душа, а в Жучке – пар? И почему те, кого больше, могут убивать других – и им ничего?

Как все странно и удивительно! Я сама сколько ни думаю – не могу понять. Вот разве дядя Митя придет – спрошу у него; он такой умный, он все знает, может быть, и это он объяснит мне...